

Контакт

Ина Голдин

1

Элла-1 была последней планетой на пути «Гринберга», принадлежащей Галасоюзу. Оттого и цены в космопорту оказались куда дешевле союзных. Лоран восторгался выпивкой по два гала за бокал: даже в его родной Нормандии кальвадос стоит дороже.

«Джон Гринберг», корабль Межпланетного лингвистического центра, стоял на техосмотре в одном из доков, и всех распустили на «перепив и пересып». Лингвисты ушли в пассажирский бокс: ходили по магазинам и скупали

странные сувениры, ощутив себя на несколько часов беззаботными туристами. Космопорт на Элле-1 построили недавно, и он отличался благожелательной обезличенностью. Пассажирский бокс тут был полупустым. В обычном предотъездном шуме звучали тревожные нотки: отсюда корабли улетали неведомо куда. Так, наверное, несколько веков назад чувствовали себя европейцы, отправляясь в Африку или Индию. Подальше от знакомого, изученного, тесного — как бы велика ни была Галактика. К неизведанному.

Каким-то образом они с Лораном наткнулись на эту парочку, так напоминающую их самих — на сотню световых лет раньше. Орбиты пересеклись.

Пересеклись, разговорились, в отпускном приподнятом настроении, уже хорошо навеселе. Парочка — вчерашние студенты, молодая землянка откуда-то из Квебека и теодорец. Ксеногрупп в последнее время стало как грибов после дождя.

— Что у вас делают с прекратившими жизненный цикл? — спросил теодорец.

— То есть с мертвыми, — кивнула Шивон Ни Леоч.

Странный способ приветствовать инопланетянина...

— С мертвыми, — согласился теодорец. — Что у вас с ними делают?

— Ну... закапывают, — чуть растерявшись, ответила Шивон.

Кажется, теодорцу ответ понравился: он стал не торопясь раскачиваться вперед-назад.

— Закапывают, — повторил он. — Как отходы. Это мне нравится.

— А что делают у вас? — спросила Шивон.

— Расплавляют. Так создаются новые слои нашей планеты. В лучшем случае. Если обряд проводят поздно, то мертвые не расплавляются. Остаются твердыми. Камни. Этот вопрос нарушил ваш этический код?

— Код... — «Переживет», хотела сказать Шивон, но долгий опыт отучил ее использовать фигуры речи в разговорах с инопланетянами. — Код не нарушен. А почему вы спросили?

— Интерес, — сказал теодорец. — Я у всех спрашиваю.

Это неудивительно. Не всем удается вырваться с таких богом забытых планет. Теперь ему все вокруг интересно — ему, «тедди», сумевшему стать доктором лингвистики. Сумевшему вырваться. На таких выскочек косились, шутили почти беззлобно, но между собой все-таки называли их «тедди» и «понаехавшими». Ничего — половину Галасоюза когда-то так называли, пройдет время, и к этим привыкнут.

Канадке тоже было любопытно:

— Давно вы летаете?

Шивон поперхнулась номиззой. Ответить пришлось Лорану:

— «Гринберг» был вторым кораблем МЛЦ, после «Сосюра». А нас почти сразу назначили на «Гринберг».

— Это не так страшно, как звучит, — откашлявшись, сказала Шивон.

— А теперь вы куда? — жадно спросила канадка.

«Гринберг» летел на Зену-2, планету, недавно попросившую о вхождении в Галасоюз. Общались зенийцы и земляне пока что с помощью кустарных традукторов и Божьей матери — если она, конечно, заглядывала за границы Союза.

Парочка им с Лораном завидовала, откровенно и беззлобно.

— Мы бы тоже поработали на МЛЦ, — сказала землянка. — Но туда не пробиться.

ФАНТАСТИКА

Ну да. Им с Лораном было проще. Когда они начинали летать, МЛЦ был приютом кучки сумасшедших ученых. Нерезкая структура, чудом выбивающая гранты из НАСА и Европейского космического агентства.

— Вы-то куда летите? — спросил Лоран.

— К зимовщикам на З-310. Слышали о такой?

Лоран только покачал головой.

— Грант получили?

— Точно. Не слишком большие деньги, если честно. Но зато это за границей Союза. Там вроде бы нашли разумную жизнь. Непонятно. Так что будем теперь искать контакт...

Вернее — как знала Шивон по опыту, — убедиться, что контакта нет. Чтоб потом эту информацию передали в МЛЦ, оттуда — в ведомство Дальнолета, и там планетку официально признали бесконтактной. И тогда оттуда можно будет вывозить все, что нашли, ни на кого не оглядываясь.

Шивон им завидовала тоже. Не их молодости (годы в космосе понятие относительное, а сколько лет теодорцу, вообще неизвестно), а, пожалуй, их интересу — тому, что гонит через всю Галактику на забытую богом планету, которой наверняка суждено остаться бесконтактной.

Не то чтоб ей надоели полеты или «Гринберг», но в какой-то момент из корабля-красавца, рассекающего пространство, он превратился в лабораторию. В обычное рабочее место. Потом и в единственный дом, который у нее остался, но слишком часто Шивон забывала, что за экранами — на самом деле звезды.

Разговор понемногу размывался, становясь постепенно «игрой в правду» — так обычно бывает с дорожными беседами. Шивон вдруг обнаружила, как много всего не помнит. Ей пришла на ум фраза профессора по ксенолингвистике, которая раньше казалась просто смешной: «Да я забыл больше, чем вы знаете!» Она то и дело оглядывалась на Лорана — все-таки они уже так долго делят космос пополам, он должен помнить...

— А где было опаснее всего?

Канадка рассказывала, как она в первый раз приехала на Теодору с пиратским традуктором.

Тедди внезапно разрыдался; издаваемые им звуки походили на детский плач, и мордочка соответственно морщилась.

— Опять перепутал реакцию, — вздохнула канадка и что-то тихо сказала теодорцу. Шивон снова позавидовала: вот бы и ей так говорить на новых языках Союза. — Все время плачет, когда я рассказываю анекдоты. Сто раз ему говорила, уймись ты с невербальными реакциями, кому надо, возьмет сканер...

Отчего-то всегда в учебниках земных языков плач и смех ставили рядом — абсолютно не задумываясь, что для инопланетян эти две реакции звучат практически одинаково.

В конце концов они разошлись, попрощавшись с теплотой, которую испытываешь лишь к случайным знакомым, зная, что о них уже больше никогда не услышишь.

Шивон ошиблась. Голос канадки она услышала, когда «Гринберг» возвращался с Зены-2 — в записи связиста, поймавшего «мэйдей». Потом голос умолк, и остался только вонзающийся в уши сигнал бедствия.

В конференц-зале «Гринберга» их собралось шестеро: капитан, связист, Брейтуэйт, Марша Форман и они с Лораном — как старшие специалисты. Для профформы, думала Шивон. Вряд ли кто-то на самом деле собирается с ними советоваться. Лингвистов и на первую палубу обычно не пускали, место им на учебном ярусе и в пассажирских боксах.

Капитан бы и у Брейтуэйта мнения не спрашивал, будь его воля.

— Мы исследовательский корабль, — говорил ответственный за миссию. — Не патруль и не медики.

— Это сигнал бедствия, полковник Брейтуэйт. Вы забыли законы Дальнолота?

— Я помню о законах здравого смысла, — ответил полковник. — Я отвечаю за миссию и не хочу подвергать опасности вверенных мне специалистов.

Брейтуэйта было можно понять: у него полный корабль стажеров, и хочется вернуть их на станцию в том виде, в котором взял. И законы Дальнолота все выполнены: частоту держат открытой, координационный центр оповестили, всем ближним судам передали. Не вина «Гринберга», что ближайший Спасательно-координационный центр (проще — СКЦ) находится на той самой Элле-1, а из судов вокруг — только корабль гагаринцев за несколько парсеков.

Шивон с Лораном переводили глаза с одного на другого, как на теннисном корте. Капитан в космосе — царь и бог, его приказы не оспариваются. Но приказ еще не дан, а капитану, как и всему экипажу «Гринберга», платит МЛЦ.

Вот и летай с хорошим грантом...

— Бросьте, Брейтуэйт, — не выдержала Шивон. — Это сигнал бедствия, а мы ближе всех. Будьте же британцем! Тот скользнул по ней взглядом — как от мухи отмахнулся.

— Никто не собирается сажать корабль на планете, — прошелестел капитан. Он был родом с Леи и говорил на трех земных языках, но из-за особенностей своих голосовых связок мог только шептать. — Я предлагаю приблизиться и отправить туда катер.

— Не нравится мне этот сигнал, — сказал связист.

— Что там такое?

— Обычный «мэйдэй» — всем кораблям в зоне доступа... Но там с языком что-то странное.

На записи шел сперва простой звуковой сигнал — позывные корабля и тревога. Потом зазвучал голос канадки — яснее, чем тем вечером в баре, когда он был несколько смягчен выпивкой, но Шивон его тут же узнала.

— Внимание всем, кто нас слышит! Мы находимся на зимовочной базе планеты З-310, мы просим помощи! — Дальше почти незаметная пауза, запинка — и внезапный переход на другой язык.

Шивон подалась вперед. Краем глаза она увидела, что Лоран сидит, напряженно вслушиваясь... Это слегка походило на птичий клекот. Что-то общее с бертийскими языками, но просодия совсем другая, у бертийских, хоть они и «птичь», резкие перепады интонации. А здесь — ничего похожего. Несколько длинных трелей — очевидно, фразы или что-то похожее, — и канадка замолчала. Голос связиста, чуть искаженный в записи, требовал ответить, что у них за проблемы, но ответа не было.

— Вот и все, — растерянно сказал связист. — Звуковой сигнал еще идет, а со станции никто не отвечает.

Шивон облизнула губы:

— А что за язык, установили?

Связист покачал головой:

— Ни один паттерн в нашей базе не совпадает. Хотел вас попросить поглядеть, у вас и доступ больше...

Шивон с Лораном переглянулись. И сказали почти одновременно:

— Если нужны добровольцы, мы готовы.

— Пойдите, — не сдавался Брейтуэйт. — Выходит, что там целая база зимовщиков просит помощи. И чем мы, с вашего позволения, им поможем? Учебный корабль...

— У нас хотя бы есть карантинный отсек и медики. Если там больные или раненые...

Связист отыскал все, что было в документах по станции на З-310. На базе оказалось три с половиной человека. Вернее, один инженер, один биолог, один представитель «СтарСерч», отвечающий за безопасность. И два командированных лингвиста.

Если там вообще еще кто-то оставался.

3

Согласие на операцию дали, и возбуждение звенело теперь на всех палубах. Даже стажеры, которых никто бы не пустил на катер, обрадовались перерыву в лекциях и поддались общей суеде. К тому времени, как собралась спасательная команда, запись уже переслушали всем учебным ярусом. Ни с одним языком, зарегистрированным в МЛЦ, эти трели не совпадали. Шивон отправила ее в Центр, сравнить с «черновиками» — архивом необработанных или недообработанных записей, еще не вошедших в общую базу. Но пока там получают запрос, пока дойдет ответ — до З-310 успеют долететь гагаринцы...

— Ну, положим, это новый язык, — сказал Лоран. — Но «мэйдей»-то на нем зачем подавать? По космической связи добавок... Сопредельным планетам? Чуть...

Может статься, что и сопредельным — если там говорят на похожем языке и если исследователи это знают. В любом случае это значит, что им удалось установить контакт.

— Полетишь посмотреть?

Шивон отмахнулась:

— Бог с тобой, Лоло, это только гипотеза. И кто меня пустит путаться под ногами...

— Никто не пустит, — сказал Лоран. — Распишешься и полетишь, как всегда.

— Я отправлюсь с вами добровольцем, — сказала она Марше. Шеф безопасности, уже в защитном костюме, сидела на корточках и проверяла настройки лазер-жетов. Она подняла голову и уставилась на Шивон немигающими стальными глазами. — Возможно, вам понадобится контакт с местными.

— Да не дай бог! — фыркнула шеф безопасности.

— Вы же слышали тот язык, — сказала Шивон.

Марша распрямилась и моргнула:

— Мы не разговаривать с ними собираемся.

— Я подписала бумагу и пойду добровольцем, — повторила Шивон. — Брейтуэйт дал добро.

Марша хмыкнула:

— Вам попробуй не дай!.. Знаю я, зачем вам туда. Любопытство кошку сгубило, слышали?

— Я старший специалист, — сказала Шивон. — Я была на Гу. Была на Сельве.

Марша покачала головой, смиряясь:

— Табельное вам выдавали?

Шивон кивнула:

— Возьму.

— Через десять минут — у катера, — только и сказала Марша.

Вместе с ребятами Марши в катер забралась одна из врачей — долгогая землянка с лошадиной челюстью. Шивон ее раньше не видела. Говорили, что медик перевелась к ним из ордена Гагарина. Хотя все знают, что оттуда не уходят. Вдобавок и звали ее Юрия — явно из потомственных.

— Ну и как вам у нас на «Гринберге»? — спросила Шивон, когда молчание стало откровенно неловким. — Скучаете, наверное?

— Отдыхаю, — коротко ответила медик и уставилась в иллюминатор. Остаток дороги она сидела молча, обернутая почти видимым коконом спокойствия. Раньше Шивон думала, что такое непоколебимое спокойствие приходит с годами и опытом. Ничего не пришло. Как она суетилась, так и суется. Сейчас медик рассеянно жевала жвачку, челюсть ее двигалась мерно, как у коровы.

— Теперь так, — сказала она, когда катер уже садился. — Шлемы не снимать. Мне все равно, совместимая там атмосфера или нет. Медицинский запрет. Всё.

Почва на планете была серебристо-серой, под ногами рассыпался и скользил песок. Из-за разницы в силе тяжести ботинки впечатывались в почву. На спину давило, как бывает при сильной усталости.

Марша снова попробовала связаться со станцией, но там по-прежнему молчали.

— Да отсюда проще докричаться! — сказали ей.

Станцию зимовщиков уже было видно через частокотел мелких чахлах растений. Красноватые кривые стволы без веток чем-то напоминали кораллы. От глухого круглого здания с плоской крышей тянуло тревогой, как сквозняком. Ничего рационального — просто здешнее болезненно-румяное солнце садилось, а они были на незнакомой планете. Одни.

Марша вдруг остановилась. Заморгала.

— Дверь не закрыта.

Верно. На панели у входа мигал зеленый огонек.

— Заходите, люди добрые! — прокомментировал кто-то за спиной Шивон. — Берите, что хотите.

— Отлично. Охраны нет, на вызов не отвечают. Еще и дверь не закрыли.

Шеф безопасности встала у входа и нажала на панель. Дверь отплыла в сторону.

— Эй, на базе! — крикнула Марша.

Ответа особо не ждали, поэтому от этого крика, прокатившегося по безмолвному коридору, стало нехорошо.

Марша выставила тяжелый подбородок.

— Там могут быть мартышки.

Сколько бы новых планет они ни освоили, для шефа безопасности инопланетяне так и остались «мартышками».

— Там могут быть раненые, — подсказала медик.

Однако на станции не оказалось никого.

— Живых нет, — доложила Марша, вернувшись. — Неживых вроде бы тоже. Оборудование они собрали. Оно там, в коридорах. Свет горит, уборщики ходят. Людей нет.

— Подождите паниковать, может, они где-то на планете. Например, на раскопках.

— Точно — послали «мэйдей» и ушли на раскопки!..

Марша убрала оружие, но она держалась настороженно. Наверняка ей больше всего хочется забрать честную компанию обратно на катер — и на корабль. Это не имело отношения к трусости. У Шивон — как наверняка и у

остальных — было ощущение, что они неведомым образом оказались в чужих декорациях.

— Ладно. — Марша развернулась. — Возвращаемся на катер.

Звук они услышали по дороге. Смутно знакомое шипение — вернее, сначала шипение, а потом бряцание. Звук повторялся, и сама его равномерность пугала. Шел он с небольшой расчищенной площадки неподалеку от станции. Заметив движение за изогнутым стволами, Марша жестом велела им оставаться на месте, а сама, сжимая лазер-жет, ринулась через рошу.

И через пару минут вернулась обратно, обескураженная.

— Никого там нет. Это зонд, наш зонд.

Механическая рука, перебирающая внутренности планеты, — зрелище вполне привычное. Но в уже загустевшей ночи, посреди чужого мира, зонд казался нереальным. Он всасывался в песок и отплевывался в воронку. Сравными промежутокками — будто демонстрируя, что до людей ему нет дела, они слишком незначительны, чтобы помешать его работе.

Шипение. Бряцание.

— Хотела бы я знать, где те, кто его обслуживал, — пробормотала Марша.

Стало совсем неуютно — словно их высадили из поезда в темноте, тот унесся, сверкнув яркими окнами, а они остались в холодной ночи между полустанками.

На катере была иллюзия, будто они не одни: их периодически вызывали с корабля, на главном экране сменялись лица. И свет горел — непохожий на рассеянное, призрачное освещение базы.

Брейтуэйт требовал их немедленного возвращения, но тут коса нашла на камень. Марша Форман не меньше Шивон прослужила на «Гринберге» и не хуже умела спорить с начальством. Она выпустила «пчелки» — миниатюрные камеры, — и те разлетелись по планете, Марша отслеживала картинки на наладоннике.

— Слушай, что я узнал про эту шарашку, — говорил Лоран. — У меня только наши данные, из Ведомства. Я послал запрос в «СтарСерч», но не знал, когда они ответят...

Планету открыли совсем недавно. Обнаружили на ней залежи огнестойкого металла. Из такого можно делать индивидуальные капсулы для вхождения в привасферу. Полезная вещь и может стать недешевой. Сперва думали, что планета бесконтактная. Однако не так давно там обнаружили живых существ и выстроенные под землей пещеры. В беспорядочных линиях и фигурах, которыми были исцарапаны стены пещер, усмотрели наскальную живопись — а кое-кто и письменность. Тогда на З-310 и отправили лингвистов...

— Вижу человека, — вдруг сказала Марша. И когда к ее экрану кинулись смотреть, хрипло добавила: — На обычном экране вижу. На тепловом — нет...

Тело уложили у катера.

— Время смерти — часов пять-шесть назад...

— От чего?

— Сейчас будем выяснять, — флегматично сказала врач.

Марша, поняв ее, замотала головой:

— Плохая идея!

— Здесь нет диагностической капсулы. Вы потащите его на корабль?

Марша выругалась, причем довольно грязно. Однако никто не выглядел шокированным.

— Под мою ответственность, — сказала медик.

Шивон уцепилась:

— Я иду на базу с вами.

Но та повторила:
— Под мою ответственность.

— Все здесь в порядке, — сказала медик. — Датчики инфекций молчат, радиация в норме...

— Этой базе сто лет в обед... Датчики древние, могли что-то пропустить.

Модуль и правда был старый, и сама база мелкая, тесная, с вытертым пластиком диванов в кают-компании. Роботы, которые торопливо прибирали за пришельцами пыль, приветственно мигали лампочками и выглядели здесь вызывающе живыми.

Сперва ждали в медотсеке, пока врач разберется с капсулой, потому что Марша запретила ходить по базе по одиночке. Потом собрались в полутемном салоне: лампы горели в режиме экономии, и ни у кого не хватило духу усилить свет.

Медик медленно опустилась на диван.

— Здешний биолог, если компьютер не напутал с идентификацией. Это не насильственная смерть. Он умер сам. От чего умер — трудно сказать.

— На что это похоже?

Медик пожал плечами:

— Остановка сердца. А отчего оно остановилось...

Она вновь замолчала и принялась жевать.

Шивон ощущала себя вороватой горничной, которая тащит вещи из дома покойного хозяина. Касаться клавиш чужого компьютера было неловко.

Данные, естественно, оказались зашифрованы. Шивон выругалась — теперь придется посылать запрос в «СтарСерч». Единственные незащищенные данные оказались на фонетическом синтезаторе. Шивон скрылась в лаборатории, вслушивалась, не замечая времени. Но вычлененные фонемы были редкими и нерегулярными. Созвучия вообще, казалось, вбрасывали в речь щедрой неразборчивой рукой — что упадет, то и хорошо. Под конец птичья речь будто липла к зубам — но ничего не прояснилось.

4

Местная ночь длилась недолго, всего два-три часа по корабельному времени. Шивон успела поспать беспокойным сном, сквозь который только резче чувствуешь усталость. Она выбралась из станции с тяжелой головой, надеясь, что хотя бы иллюзия свежего воздуха развеет эту тяжесть. Пришлось объясняться с ребятами Марши; ее отпустили только с условием, что Шивон не выйдет из их поля зрения. Планета З-310 выглядела такой же сиротливой, как накануне вечером. Шивон шагала медленно, с трудом отрывая ноги от земли. Планета была плоской, насколько простирался взгляд. Тут и там — «коралловые» рощицы, как островки сыпи. И кое-где — низкие песочные горки, вроде кротовых нор.

Под ноги Шивон не смотрела и, споткнувшись о большой камень, кулем повалилась на землю. Поднялась, недоуменно оглядываясь. Повсюду песок был мягким и блестящим, как пепел. Даже мелких камешков не было.

Если обряд проводят поздно, то не расплавляются. Остаются твердыми. Камни.

Несколько минут она пыталась трусливо убедить себя, что это на самом деле... скажем, обломок скалы. Или астероида.

Этот вопрос нарушил ваш этический код?

Теодорец и в самом деле окаменел, но в затвердевшей форме без труда можно было разглядеть его черты. Даже

глаза с налипшим песком — как льдинки, вмерзшие в камень. Шивон закрыла бы ему глаза, но у «тедди» нет век.

— В первый раз вижу такое, — раздумчиво произнесла медик. — Похоже, они умерли одинаково. У него тоже отказало сердце. Странно. Если это какой-то вирус...

Шивон ясно увидела, как в ее глазах вспыхнул интерес — будто молния сверкнула. Вирус, который с одинаковой легкостью убивает и землянина, и ксено, — тянет на важное научное открытие. И не Шивон винить ее за любопытство...

Марша сняла записи с видеокамер и просматривала их, ругаясь себе под нос.

— Подойдите-ка сюда, — позвала она. — Кажется, опять этот язык...

На записи канадка отходила от пульта связи в тот момент, когда контакт прервался. Связист с «Гринберга» требовал подробностей, но девушка как будто потеряла к «мэйдею» всякий интерес. Она что-то бормотала про себя — когда Марша выкрутила громкость до максимума, стали слышны обрывки фраз на английском, опять с вкраплениями неизвестного языка. Так, бормоча, канадка удалилась из помещения, пропав из видимости.

— Не понимаю. Почему она... — Это похоже на запущенную форму «переключения кодов»*. Когда они успели до нее доработаться?

На камерах видно было, как с базы вышел «тедди» — тоже что-то бормоча и раскачиваясь. Шивон не помнила, нормально ли для этих особей качаться, — она не ксенобиолог, в конце концов.

— На базе было пять человек, — наконец сказала Марша. — Мы пока нашли двоих.

— Это может значить, что остальные живы, — без энтузиазма сказала медик. — Или что они умерли не здесь.

— Умеете вы вселять надежду.

Шивон не слышала, как прилетел еще один катер. Однако поднявшийся шум выманил ее из исследовательской. Лоран стоял в дверях базы, не сняв защитного костюма. Хоть такие костюмы и делают всех одинаково бесформенными и безликими, Шивон узнала Лорана. Едва на шею ему не кинулась.

— А ты зачем спустился?

— Пришел ответ из МЛЦ. Это официально: такой системы нет ни в одной базе данных. У нас новый язык, малышка!

— Как Брейтуэйт тебя отпустил?

— Сказал, все равно мы делаем тут что хотим, и он доложит в МЛЦ о бунте.

— У тебя будут неприятности.

Лоран только улыбнулся:

— А вы тут как одни?

— Перебили зимовщиков, — сообщила Шивон. — Захватили планету.

— Молодцы. Я получил коды из «СтарСерч». Где записи?

Вдвоем они заняли исследовательскую, их не беспокоили — только голос Марши иногда одиноко звучал по громкой связи. Лоран отыскал журнал наблюдений. Вначале шли отчеты об экспедициях, рутинные и неинтересные. Вывод в конце последнего рапорта — очевидно, планету придется признать бесконтактной. Явное разочарование в голосе канадки.

А следующая запись — с почти не сдерживаемым возбуждением: «Кажется, наши выводы были преждевременными. Сегодня мы впервые наблюдали живых существ на

*Переключение кодов — в языкознании внезапное, спонтанное переключение говорящего с одного языка на другой и обратно.

планете. Они кажутся разумными. Прилагаю видеозапись за номером...»

Аборигенов снимали с разных ракурсов. Были они мелкие, на удивление безобидные: тощие тела, короткие конечности и недоуменно вытаращенные глаза.

— Вряд ли они опасны, — прошептала Шивон так, будто даже через экран могла спугнуть их. Сперва она, как ни прислушивалась, не могла уловить ничего похожего на речь. Но в какой-то момент аборигены, видимо, заметили наблюдателей. Несколько особей развернулись и залопотали что-то на том самом птичьем языке.

— Вот оно! — тихо сказал Лоран.

Первым с инопланетянами заговорил теодорец, и комментарию к записям делал он. Пришлось включать традуктор. Шивон было стыдно им пользоваться — хоть и понятно, что всех языков Галактики не выучишь.

«По первоначальным звуковым характеристикам звучащая речь напоминает бертийскую, но с явной разницей в просодии. Разумеется, первое впечатление, полученное без специального оборудования, может быть ошибочным...»

«Моя гипотеза об ошибке подтвердилась. Хотя отдельные фонемы напоминают бертийские, фонетический синтезатор не обнаружил сходства на уровне звуковых цепочек. Стабильных буквосочетаний пока не найдено, очевидно, недостаточно материала».

Это «недостаточно материала» проскальзывало в записях все чаще и чаще.

«Полноценный синтаксический анализ пока не представляется возможным. Собранных данных не хватает, нужно вернуться в поле».

«Трудно определить прагматическую цель высказывания. Если эмпирически ориентироваться на внеязыковой контекст, можно предположить, что аборигены недовольны нашим присутствием. Трудно определить что-то в невербальном плане, потому что мы почти ничего не знаем об их невербалике».

Примечание теодорца:

«Тем не менее некоторые из их жестов поддаются систематизации лучше, чем речь».

Примечание канадки:

«Это вообще часто бывает с жестами».

«Так или иначе, никакой агрессии против нас мы не заметили. Но не было и попыток бытовой коммуникации, как то: попросить об услуге, назвать свое имя, и так далее...»

Примечание теодорца:

«На множестве планет, в отличие от Земли, нет категории имени».

Примечание канадки:

«Не умничай».

Они переслали все сделанные записи стажерам. Устами младенцев иногда глаголет истина, и лучше заниматься делом, а не слоняться по кораблю, раз уж семинары отменили. Шивон невольно улыбнулась, представив себе суматоху на учебном ярусе...

Ближе к вечеру снаряженный Маршей поисковый отряд привел саму канадку. Живую. Оказалось, она бродила без цели не так далеко от базы. Может быть, она и оставила дверь открытой.

— Вы слышите меня? — допытывалась медик, схватив ее за плечи.

Девушка была без шлема, волосы растрепаны, лицо в пепельных разводах.

— Вы понимаете, где находитесь? — спрашивала медика. — Можете сказать свое имя?

Канадка вяло высвободилась, повела рукой. Отступила на шаг. На ногах она держалась нетвердо, как пьяная, но глаза были ясными.

— Кадрики, — проговорила она. — Надо, чтоб... чтоб параллельно все было, да. Потому что... надо. Ветки. Чтоб параллельно. Ну... — Дальше пошли уже знакомые чирикающие звуки.

Тут ее повело в сторону; едва успели подхватить. Врач забрала ее в медотсек, еще раз велев не снимать шлемы... Потом она доложила:

— Результат такой. Травмы головы нет. Нарушения речи — ну вы сами слышали. Как после инсульта. Но инсульта не было.

— А что было? — спросила Марша.

— У этой — афазия может быть симптомом поражения мозга. А у тех?.. Остановка сердца и дыхания могли произойти из-за обширного поражения мозга, сразу нескольких отделов. И хоть бы какая-то внятная причина!

— Что же теперь?

— Что? — Медичка начала было выдувать из жвачки пузырь, но, спохватившись, втянула воздух обратно. — Я ввела препарат, чтоб вывести из организма все токсины разом. Но я даже не знаю, что это за токсины. Если это какой-то здешний вирус, то я не имею понятия, как он действует...

— А... — начала было Марша.

— Нужна нормальная лаборатория. Где-нибудь в СКЦ, а лучше — у нас в госпитале. — Под «у нас» врач явно подразумевала гагаринцев. — А ее даже на корабль нельзя забрать. Я запрещаю. Теперь так, — она сглотнула, — я объявляю карантин по всей планете. Никто не поднимется на борт, пока мы не узнаем, что это такое.

5

После объявления карантина с ними стали чаще связываться с корабля, и, как правило, по пустячным поводам: то начальник медпункта требовал дополнения к отчету, то у одного из стажеров появлялась очередная гениальная идея, то Брейтуэйт желчно сообщал, сколько времени и денег они уже потеряли из-за простоя. В очередной раз экран ожил, когда Шивон дремала в салоне, на пару часов отвлекшись от исследований.

— База? Это «Гринберг». Ребята тут от нечего делать фотографировали с орбиты. На шесть часов от вас — четкая расчищенная площадка. На приближении похоже, что растительность нарочно уничтожали. То есть там есть роща, но по характеристикам она куда моложе остальных. Если нормальным языком — это похоже на деревенский аэродром на Земле...

— Ничего себе! Сюда кто-то уже летал?

— Явно не наши. Ладно, уже все заросло, но вы там поосторожнее. Парни говорят, таких площадок несколько, но они от вас дальше.

Космодром. Значит, мы здесь не первые. Возможно, далеко не первые...

Шивон опустила голову на валик потертого дивана. Прикрыла воспаленные глаза. В голове пляшущими человечками двигались символы синтаксического анализатора. Она узнала шаги медика — нарочито медленные шаги человека, который не хочет сообщать паршивой новости.

— Вот и всё, — сказала бывшая гагаринка Юрия. Значит, и канадка скончалась.

Местные обитали в пещерах: на поверхности бывали сильные ветры, а низкие тощие деревца не давали убежища. На той записи аборигены были как раз у входа в

одну из пещер. И там же теперь их поджидала экспедиция «Гринберга».

Сидели они тут долго. И только под самый вечер увидели местных.

Небольшая группа аборигенов, особой пять-шесть. Шивон напряглась, пытаясь разобрать их речь, однако те не издавали пока никаких звуков — и вообще объяснялись жестами. Движения коротких лапок не походили на земные жесты, но все равно проскальзывало в них что-то смутно знакомое. Будто, если всматриваться достаточно долго, — поймешь.

Их не заметили, группа прошла мимо и исчезла в следующем островке кустарников.

— Безобидные, — с некоторым удивлением сказала Марша.

Шивон вспомнила про квадрат выжженного леса. Безобидные... Но ведь как-то они должны были защищаться.

— Так они с нами и не заговорят, — сказала Шивон в исследовательской. — Надо их спровоцировать.

Лоран сидел и смотрел куда-то в пол.

— Этот зонд... — наконец проговорил он. — Что они здесь искали? Может, они что-то нашли.

— Ты о чем?

Он поднял глаза:

— Нашли. Что-то важное, не только металл... А наши... камарадес... нашли контакт. Неудобный контакт.

— А я думала, — медленно проговорила Шивон, — это я у нас специалист по теории заговоров.

В бедноватом свете станции лицо Лорана было нездорово темным. Он всегда каким-то образом умудрялся сохранять загар, даже по многу лет кряду не вылезая с корабля, и выглядел импозантно — загорелое мужественное лицо, голубые глаза. Не ученый, а летчик, потерпевший аварию над пустыней, — эдакий Сент-Экзюпери. Но сейчас он казался просто поизносившимся.

— Да что такого они могли найти, чтобы угробить всю базу?

— Вся база — пять человек, малышка. От чего умирают — непонятно. И вряд ли кто-то станет особо разбираться, мы за границами Союза. Космос все-таки, не Люксембургский сад.

Шивон кивнула:

— Узнать бы, что это за зонд. И что он ищет...

Ничего особенного, как оказалось. Никакого чудесного топлива или минерала, который позволит излечить всю Вселенную от болезней. На самом деле зонд искал подземную воду. Это понятно: на поверхности практически не было водоемов.

Но Шивон заинтересовало другое. Дата установки зонда почти совпадала с датой первого контакта. И правда, что-то здесь не так. Понять бы — что...

Рука Лорана легла ей на плечо.

— Марша собирает поисковую команду.

— Ну? — произнесла Шивон.

— Я пойду с ними. Может, удастся с кем завязать разговор. А у тебя... у тебя есть что-то интересное?

— Бессмыслица какая-то, — пробормотала Шивон. — Эта штука все время требует новый материал, будто этого недостаточно.

— Похоже, *ma chère*, мы наткнулись на что-то новое...

Может быть. Такое, что всему МЛЦ со всей королевской ратью анализаторов и компиляторов с этим не справиться. Может быть, мы откусили больше, чем можем проглотить?..

Когда Лоран ушел, Шивон попыталась хоть что-то проанализировать вручную, без приборов. Но плюнула, уставилась в пустоту.

Хотела бы она знать, как у канадки получилось выучить этот язык настолько, чтобы тараторить, вызывая помощь...

Ведь первый контакт случился не так давно — недостаточно, чтобы так бойко говорить. И определенно недостаточно, чтобы договориться до синдрома переключения кодов.

В дверь проснула голову врач:

— А если это поле?

— Какое поле? — машинально спросила Шивон — хотя она, кажется, начинала наконец понимать.

— Электромагнитное. Перестройки на клеточном уровне. Это может объяснить хотя бы то, что я ни черта лысого не вижу на здешних приборах.

— Пойдите, — сказала Шивон. — Это не поле.

Она вспомнила про космопорт на шесть часов. Про зонд. Если это не единственный космопорт, то, может, были и другие зонды. И другие инопланетники. Менее дружелюбные, не скованные законами Дальнолета.

И беззащитным на вид аборигенам пришлось как-то выживать.

Неудивительно, что компьютер отказывается воспринимать это как систему.

Потому что это не система.

Это вовсе не язык.

Она вскочила — стул отъехал и врезался в стену. Но было поздно, экспедиция уже вернулась, толпилась в дверях станции.

— Доктор Ни Леоч! — позвала ее Марша. Никогда шеф безопасности так к ней не обращалась.

— Что с Лораном?

— Доктор Дюпре отказался возвращаться с нами. Он там, в роще. И не хочет разговаривать. Может, вы к нему пойдете?

— Марша, он говорил с аборигенами? Вы слышали? — Шивон произносила слова необычно четко, будто разговаривала с ксеностажером.

— Не слышала, только видела, издали... Он нашел тело. Не велел нам подходить, сказал, мы их спугнем. Черт, чтоб я еще раз полетела куда-нибудь с лингвистами...

Он должен был понять, думала Шивон. Они сто раз шутили насчет великих умов, которые мыслят одинаково. Шутки шутками, но за столько лет мысли их стали будто эхом друг друга.

6

Он стоял посреди рощицы, глядя на неподвижное тело у своих ног. Марша и ее ребята были в отдалении. Шивон запретила им подходить.

Лоран обернулся, посмотрел рассеянно, приложил палец к губам. Значит, он понял. Успел понять. А уйти не успел.

— Это не вторая сигнальная, да, Лоло? Это их оружие...

И он кивнул.

— Тебе нужно в медотсек, — решительно сказала Шивон.

Лоран покачал головой и указал на небо:

— Никуда мы не улетим. Теперь нас никто на борт не поднимет. Мы контактировали.

Он нетерпеливо дернул плечом и настучал на наладоннике:

«В прямом контакте был только я. Уходите на корабль. Уничтожьте все записи».

Врач сперва не сказала ничего. Уложила Лорана в диагностическую капсулу, включила датчики. А потом повернулась к Шивон:

— Что?

— Это контакт, — сказала Шивон. — То есть нет, не контакт. Это не вторая сигнальная, они дурили нам голову, это...

— Успокоительное вколоть? — спросила медик.

Шивон перевела дух.

— Не надо, — ответила она. — Они пользуются речью, как оружием. Что бы ни случилось, не говорите с ним.

Прихлопнула ладонью рот. И со мной не говорите.

«Речь используется как защитный механизм, — набрала она. — Обращается против вторженца, заражает его собственную речь, дальше афазия, дислексия, алексия, полное расстройство речи, а потом — все отделы мозга понемногу отказывают».

— Во имя Гагарина! — Врач в первый раз казалась растерянной. — Как оно действует?

«Возможно, как вирус. Сами говорили — изменения на клеточном уровне. Встраивается в чужую речь. А сами они пользуются другой системой».

Юрия кивнула. Без лишних слов вызвала «Гринберг».

— Теперь так. Изолировать учебный ярус, всех, кто имел дело с этим языком, в карантин! Записи, которые пришли со станции, — уничтожить. Прямо сейчас. Ежечасные рапорты о состоянии здоровья стажеров, в двух экземплярах, начальнику медпункта и мне сюда. Фиксируйте все речевые ошибки, даже если кто-то опишется в отчете, — я хочу это знать!

Шивон, внезапно обессилев, села рядом с диагностической капсулой. Облепленный датчиками Лоран попытался ей подмигнуть. Вышло жалко и жутко.

Их заперли в медотсеке. Остальные, хоть и слышали записи, в прямом контакте с инопланетянами не были.

Второй капсулы на базе не оказалось, но медик и на Шивон налепила датчики. От этого стало чуть полегче: оба теперь пациенты. Лоран сперва пытался писать на наладоннике, потом стал ошибаться.

— Поговори со мной, — попросила Шивон. — Я все равно уже заражена. Поговори.

Он только мотал головой.

«Сколько еще?» — спросила она у врача.

— Это все индивидуально. Какое-то время у него есть. Те все-таки дольше были в контакте, и с записями, и так...

«Что на «Гринберге»?»

— Пока без признаков заражения. Но это ни о чем не говорит — может, позже проявится.

«А я?»

— Письменная речь пока без нарушений...

Лоран заснул. Шивон сидела, прислонившись лбом к пластиковой оболочке капсулы.

Вот так. Оружие. Выходит, и они погибнут в конце концов от того меча, что несут с собой. Он так показывает, что нам здесь не место? Не слишком ли большая плата за любопытство?..

Ей захотелось молиться, но вместо знакомых слов в голову лезло птичье чирикание...

Лоран проснулся, как от толчка. Заговорил, повторяя: «Не... не... не...»

Не жалеи?

Не бросай меня?

Дальше и он заклекотал; губы шевелились неловко, при-
способливаясь к чужой речи.

— Я не брошу, — пробормотала Шивон. — Я здесь.

Медик вошла неслышно, положила руку ей на плечо.

— Теперь так, — сказала она. — Анабиоз. Это все, что я

ФАНТАСТИКА

могу для него сделать. Можно хотя бы замедлить процесс. Пока не найдем, как нейтрализовать этот вирус.

Марша чуть виновато глядела на Шивон сквозь стекло медотсека.

— Ведомство объявило З-310 небезопасной для исследования. Объявляют срочную эвакуацию. Засядем в карантине на орбите. Чертова планета!

Шивон подумала, что на месте Марши ушла бы на пенсию. Да и на своем бы месте ушла, пожалуй. Чтобы не видеть больше девиза МЛЦ: «Где есть слово, есть жизнь».

Недвижного, замороженного Лорана уже погрузили на борт. Лучше в анабиозе, чем... в закрытой капсуле в открытый космос.

Как ни удивительно, ни Марша, ни остальные пока не заразились. Медик говорила ясно и правильно, только слегка нервно: у нее кончилась жвачка.

«Видимо, — писала Шивон, — дело в том, что наш речевой аппарат все-таки изменяет структуру этого кода. Как бы незначительно ни менялись звуковые характеристики, это делает код нефункциональным. И заразиться можно только от первого контакта...»

Потому что мы не машины; мы не способны воспроизвести речевой паттерн безошибочно точно, как воспроизводится вирус на компьютере. Ни люди, ни теодорцы, ни те, кто прилетал сюда раньше, на это не способны. И наверное, это их и спасет. Защитный код универсален, но никто не в состоянии его универсально воспроизвести.

Пока не найдется раса, которая случайно совпадет по звуковому диапазону. Как бертийцы, например. И тогда эта раса получит прекрасное биологическое оружие...

Шивон писала быстро: почерк у нее портился, и, скорей всего, на экране уже полно ошибок.

Так что Ведомство будет чертовски право, если закроет эту планету для исследований. Если уничтожит — чтоб не распространять эпидемию — неудачливый экипаж «Гринберга».

— А вы... — спросила Марша и осеклась. — Остаетесь, да?

Может быть, от вируса и впрямь нет спасения. Но если есть хоть какой-то способ развернуть эту цепочку звуков так, чтоб его блокировать... Для этого нужно пойти и поговорить с аборигенами. И кому и разговаривать, как не ей?

«А мне позволят остаться?»

Марша впервые за все время улыбнулась:

— А вы что, будете спрашивать? Распишетесь и останетесь. Как всегда.

